

В Люцерн, по следам Толстого | A Lucerne, sur les traces de Tolstoï

Автор: Надежда Сикорская, [Люцерн](#) , 19.06.2009.

Здесь был Лев Николаевич (Фото автора)

Сегодня в городе, увековеченном великим русским писателем, открылся XI Всемирный конгресс русскоязычной прессы. В его работе принимает участие редактор «Нашей газеты».

|
Le XI Congrès International de la Presse Russophone s'est ouvert aujourd'hui à Lucerne.
A Lucerne, sur les traces de Tolstoï

Все мы читали Толстого, почти поголовно – «Войну и мир» или «Анну Каренину», некоторые, заходя за рамки обязательной программы, ознакомились и с более мелкими произведениями, в том числе, и с рассказом «Люцерн», но вряд ли кто-то, за исключением специалистов, заглянул в комментарии, публикуемые мелким шрифтом в самом конце каждого тома собраний сочинений. А ведь здесь можно узнать много интересного. Вот, например.

 Л.Н. Толстой совершил свое первое путешествие за границу в 1857 году. После посещения ряда городов Франции, Италии и Швейцарии, 6 июля 1857, то есть почти ровно 142 года назад, он прибыл в швейцарский курортный город Люцерн и остановился в отеле «Швейцергоф».

С констатации этого факта и начинается написанный им впоследствии рассказ:

«Вчера вечером я приехал в Люцерн и остановился в лучшей здешней гостинице, Швейцергофе.»

7 июля он описал в дневнике следующий случай, произошедший с ним в этот день: «Ходил в privathaus. Возвращаясь оттуда, ночью – пасмурно – луна прорывается, слышно несколько славных голосов, две колокольни на широкой улице, крошечный человечек поет тирольские песни с гитарой и отлично. Я дал ему и пригласил спеть против Швейцерхофа – ничего; он стыдливо пошел прочь, бормоча что-то, толпа, смеясь, за ним. А прежде толпа и на балконе толпилась и молчала. Я догнал его, позвал в Швейцерхоф пить. Нас провели в другую залу. Артист пошляк, но трогательный. Мы пили, лакей засмеялся, и швейцар сел. Это меня взорвало – я их обругал и взволновался ужасно». (Полн. собр. соч., т. 47, стр. 140-141). Вот этот эпизод и лег в основу рассказа.

Приехав вчера вечером в Люцерн для участия в конгрессе русскоязычной прессы и остановилась не в «Швейцергофе», правда, но тоже в вполне приличной гостинице, я просто не могла не сравнить собственные впечатления от города с теми, что оставил Лев Николаевич.

Природа Люцерна и его окрестностей поразила писателя: «Красота этой воды, этих гор и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня.» Милы его слуху оказались и несколько раз упоминаемые в рассказе «крики лягушек из Фрешенбурга».

Лягушек, честно скажу, не слышала, но красота здесь, действительно, неопишуемая. Проходя по набережной, невольно подслушала такой комментарий, сделанный на чистом русском языке: «Тут так хорошо, что даже слишком. Да, для нас это слишком хорошо». Не Толстой, конечно, но точно отражает суть.

Однако на этом положительные эмоции писателя, связанные с Люцерном, заканчиваются. То ли не с той ноги он встал в то июльское утро, то ли чем-то ему не угодили, но все, что связано здесь с людьми и результатами человеческой деятельности, Толстому резко не понравилось.

Прежде всего, его неприятно удивило обилие в Люцерне англичан, в угоду которым, по мнению Толстого, была изуродована набережная, «где в старину был деревянный, крытый, извилистый мост, с часовнями на углах и образами на стропилах. Теперь, благодаря огромному наезду англичан, их вкусу и их деньгам, старый мост сломали и на его месте сделали цокольную, прямую как палка, набережную; на набережной построили прямые четырехугольные пятиэтажные дома; а перед домами в два ряда посадили липки, поставили подпорки, а между липками, как водится, зеленые лавочки. ... Может быть, что эти набережные и дома, и липки, и англичане очень хороши где-нибудь, но только не здесь, среди этой странно величавой и вместе с тем невыразимо гармоничной и мягкой природы».

✗ На счет англичан отнес Толстой и обстановку, царящую в ресторане гостиницы «Швейцергоф»: «Как вообще в Швейцарии, большая часть гостей – англичане, и потому главные черты общего стола – строгое, законом признанное приличие, несообщительность, основанные не на гордости, но на отсутствии потребности сближения...»

Ох, Лев Николаевич! Интересно, как бы он реагировал на все чаще звучащую сегодня

в Люцерне не английскую, а русскую речь? Причем приезжают сюда наши соотечественники не только полюбоваться природой. Неизвестно, например, сможет избранный Толстым «Швейцергоф» - где, кстати, нет на этот счет мемориальной таблички - и дальше удерживать переходящее красное с белым крестом знамя лучшей городской гостиницы : у нее появился серьезный конкурент. В 2011 году примет первых посетителей заново отделанный старинный отель Château Gütsch, приобретенный в 2007 году российской корпорацией National Reserve Corporation (NRC) и лично Александром Лебедевым, основным частным совладельцем «Аэрофлота» и московской «Новой газеты», считающейся оппозиционной, прикупившим недавно английскую газету «Evening Standard». Очевидно, сердце г-на Лебедева, чье состояние журнал Forbes оценивает в 3,7 млрд. долларов, также как и Толстого, поразили местные красоты. Но одной красотой сыт не будешь, поэтому г-н Лебедев открыл здесь ресторан Petit Palais, где, как говорят знающие люди, вкусно кормят.

Но вернемся к Толстому. «Узенькие грязные улицы без освещения, запираемые лавки, встречи с пьяными работниками и женщинами, идущими за водой или, в шляпках, по стенам, оглядываясь, шмыгающими по переулкам, не только не разогнали, но еще усилили мое грустное расположение духа».

Строг Лев Николаевич и, может быть, справедлив для своего времени, но сегодня его, признаюсь, трудно понять. Тех, кто живет в Швейцарии или часто здесь бывает, трудно удивить почти стерильной, картиночной ее чистотой и аккуратностью. По набережной Люцерна, на которую выходят все основные отели города, прогуливаются расслабленные, спокойные люди, говорящие на разных языках, но их дружные восхищенные восклицания и не требуют перевода.

Презрительное отношение к бедному музыканту богатой публики «Швейцергофа», которая, посмеявшись, не дала ему ни гроша, безусловно, заслуживает осуждения. Однако Толстой расценивает этот эпизод как «событие, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами.» «Отчего этот бесчеловечный факт, невозможный ни в какой деревне, немецкой, французской или итальянской, возможен здесь, где цивилизация, свобода и равенство доведены до высшей степени, где собираются путешествующие, самые цивилизованные люди самых цивилизованных наций?», возмущенно вопрошает он и, наконец, устами рассказчика, бросает в лицо швейцару отеля: «Паршивая ваша республика!... Вот оно равенство!»

Конечно, Швейцария не нуждается в моей защите, но все же, направляясь к своей гостинице, я внимательно смотрела по сторонам – не видно ли маленького тирольца? Тирольца не было, зато в небольшом парке играла на флейте молодая женщина, перед ней на земле стояла основательно наполненная мелочью корзинка.

Злопамятны ли жители Люцерна? Судите сами: в отеле «Швейцергоф» ничто не напоминает о пребывании Толстого – месть за отрицательную рекламу, говоря современным языком? Даже на вполне официальное предложение отметить этот исторический момент открытием мемориальной доски администрация ответила отказом. Даже не то что отказом, а начала торговаться за ответные меркантильные действия со стороны России, так дело ни чем и не кончилось. Зато, по случаю приезда сюда многочисленных русскоязычных журналистов, мемориальная доска писателю будет все-таки открыта завтра в отеле «Люцерн-Палас», где в эти дни проходит выставка «Лев Толстой. Творчество сквозь века...»

[Люцерн](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/v-lyucern-po-sledam-tolstogo>